

СТИХОТВОРЕНИЕ И. А. БУНИНА «НЕУГАСИМАЯ ЛАМПАДА»: ОРИГИНАЛ И ПЕРЕВОД НА ХИНДИ (ПОЭТИКА КАУЗАЛЬНОСТИ И СОСТОЯНИЙ)

Г. Ю. Карпенко

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева

Пр. Мишра

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева

Г. Мунджал

Делийский университет (Индия)

Поступила в редакцию 18 февраля 2025 г.

Аннотация: в статье рассматриваются концептуальные особенности перевода стихотворения И. А. Бунина «Неугасимая лампада» на хинди. Перевод стихотворения ценностно адекватен настолько, насколько это позволили грамматика хинди и традиционное мировосприятие индуса. Переводчик А. Джанвиджаи, исходя из возможностей языка и реализуя концепцию Атмана, ослабил субъектную («местоименную») основу стихотворения: в переводе появляется потенциально «сдвоенная» форма «он-она». Если в оригинале «Она молчит...», то в обратном переводе с хинди допустимо уже «Молчит тот измученный...» / «Молчит она уставшая». Такая местоименная перспектива перевода обусловлена не только грамматическими особенностями хинди, но и содержанием стихотворения: оно наполнено экзистенциальными состояниями утраченной радости, скорби, молчания, спокойствия, пустоты — всеми теми антропными модусами бытия, которые соотносятся с Атманом. Присутствие Атмана — и, следовательно, всего комплекса субъектных переживаний, устремленных к Абсолюту, к «вечности», — находит в земной проекции свое закрепление в образе «лампады» (दिया = дыя [дыя]), в зримо символической сущности Атмана. В результате перевода стихотворение Бунина «Неугасимая лампада» в восприятии индийского читателя, не утрачивая признаков «русскости», становится органичным артефактом индийской культуры.

Ключевые слова: И. А. Бунин, А. Джанвиджаи, стихотворение, неугасимая лампада, перевод, состояние, радость, скорбь, молчание, спокойствие, пустота, Атман, вечность.

Abstract: the article discusses the conceptual features of the translation of I. A. Bunin's poem "The Unquenchable Lamp" into Hindi. The translation of the poem is as adequate as the Hindi grammar and the traditional Hindu worldview allowed. Translator A. Janvijai, based on the possibilities of the language and realizing the concept of Atman, weakened the subject ("pronominal") the basis of the poem: a potentially "dual" form of "he-she" appears in translation. If in the original "She is silent...", then in the reverse translation from Hindi it is permissible to say "That exhausted one is silent..." / "She is silent tired". Such a pronominal perspective of translation is due not only to the grammatical features of Hindi, but also to the content of the poem: it is filled with existential states of lost joy, sorrow, silence, calmness, emptiness — all those anthropic modes of being that relate to the Atman. The presence of the Atman — and, consequently, the entire complex of subjective experiences directed towards the Absolute, towards "eternity" — finds its fixation in the earthly projection in the image of the "lampada" (दिया = Lamp), in the visibly symbolic essence of the Atman. As a result of the translation, Bunin's poem "The Unquenchable Lamp" in the perception of the Indian reader, without losing signs of "Russianness", becomes an organic artifact of Indian culture.

Keywords: I. A. Bunin, A. Janvijai, poem, inextinguishable lamp, translation, state, joy, sorrow, silence, tranquility, emptiness, Atman, eternity.

У стихотворения И. А. Бунина «Неугасимая лампада» [1, т. 1, с. 293] не сложилась репутация известного — хрестоматийного — произведения, которое

могло бы претендовать на интерес широкой читательской аудитории за пределами России, и все же оно привлекло внимание индийского переводчика Анилы Джанвиджаи. В переводе на хинди [9] и в двух обратных переводах с хинди на русский язык, сде-

ланных Прагьей Мишрой и Гиришем Мунджалом, следовательно следующим образом: стихотворение «Неугасимая лампада» выглядит по-

оригинал	Она молчит,
хинди	चुप है वह क्लान्त (Чуп хай вах клант) *वह = вах (буквенно), взх (произношение) = она/он
обратный	Молчит тот измученный // Молчит она/он уставшая (–ший),
оригинал	она теперь спокойна.
хинди	रहती है शांत (рехти хай шант) *слово «теперь» пропущено *местоимение «она» пропущено в переводе, хотя форма глагола रहती «рехти» указывает на женский род
обратный	Она живет спокойно // Она всегда в состоянии покоя.
оригинал	Но радость не вернётся к ней: в тот день,
хинди	उसके पास खुशी कभी नहीं लौटेगी अब (уске пас хуши кабхи нахи лотеги аб) *выражение «в тот день» пропущено в переводе *उसके уске = к ней/к нему (на хинди вначале указывается субъект (уске) и сверхсубъектное состояние (खुशी хуши = радость), что намечает связь-соотнесенность человека со сверхличной сущностью, — и тем самым достигается смысловой эффект: еще нет прямого именованного Атмана, но Он уже есть на уровне актуальной грамматической связи. С другой стороны, так как на хинди наречие अब (аб = сейчас/теперь) ритмико-синтаксически находится в сильной смысловой позиции (в конце предложения) и ценностно сопряжено с субъектом и сверхсубъектным состоянием, при обратном переводе «сейчас/теперь» ставится в начало стиха)
обратный	Сейчас же радость не вернется к ней/к нему // Счастье теперь не возвратится к ней/к нему *खुशी (хуши) одинаково может переводиться как радость и как счастье без особых семантических различий, в отличие от русского языка, где слова «счастье» и «радость» особенно в религиозном контексте с активизацией парадигмы «земное — небесное» приобретают разное смысловое наполнение
оригинал	Когда его могилу закидали
хинди	दफना दिया गया उसे (дафна дияá гаяá усэ) *उसे усэ = его/её
обратный	Его/Её похоронили // Её/Его похоронили
оригинал	Сырой землей,
хинди	वर्षा से गीली धरती में (варша се гили дхарти ме) *добавлено в перевод वर्षा से गीली «мокрой от дождя»
обратный	Под землей, мокрой от дождя // В мокрой от дождя земле.
оригинал	простилась с нею радость.
хинди	वदि दी खुशी को उसने (вида ди хуши ко усне) * उसने усне = он/она * если точно переводить на хинди, то должно было быть «уссе» = с нею/с ним * и тогда должно быть: खुशी ने वदि ली उससे (радость простилась с нею), то есть субъектом действия является радость: радость прощается
обратный	Он/Она попрощался (–лась) со счастьем/с радостью // Она/он попрощалась (–лся) со счастьем. *переводчик в отличие от оригинала подчеркивает, что он/она прощается (усиливается состояние ее/его горя), а в оригинале радость прощается
оригинал	—
хинди	वह हो गई अलग (вах хо гай алаг) *это добавление в переводе
обратный	Она разделена // Она отделилась. *здесь род указывается формой глагола हो गई, а не местоимением वह, которое можно перевести и как «он», и как «она»
оригинал	Она молчит, —
хинди	चुप है वह खोई-खोई है (Чуп хай вах, хой-хой хай) *खोई-खोई है как потерянный (–ная) — это добавление в переводе
обратный	Он / Она молчит, как потерянный (–ная) // Молчит она, заблудившаяся,
оригинал	её душа теперь Пуста,
хинди	आत्मा खाली है और खाली है हिया (аátма хáли хай ор хáли хай хияа) *слово «теперь» пропущено *और खाली है हिया и пустое сердце — это добавление в переводе
обратный	душа пустая и пустое сердце // душа пуста и пусто сердце,

оригинал	как намогильная часовня,
хинди	जैसे किसी समाधि पर बना है गरिजा (джесе кист самадхи пар бна хай гирджа) *в переводе объясняется, что такое часовня
обратный	Как церковь, построенная на могиле // Как будто церковь построена на могиле,
оригинал	Где над немой гробницей день и ночь
хинди	और गरिजे में गूँगी कब्र पर रात-दिनि (ор гирдже ме гунги кабр пар раат-дин)
обратный	И на немой могиле в церкви днем и ночью // В церкви на немой могиле ночью и днем (रात-दिनि раат-дин)
оригинал	Горит неугасимая лампада.
хинди	नरिन्तर जलता हो दया (нирантар джалта хо дыя) *दया — буквенно — дыя, а произношение — дыя
обратный	Вечно/всегда горит лампада // Горит постоянно лампада.

*А. Джанвиджай при переводе использует не только хинди, но и задействует слова из урду, например: могила — समाधि — самадхи (хинди) и कब्र — кабр (урду). Такой смешанный язык у нас называется «хиндустани» (Пр. Мишра, Г. Мунджал).

Название стихотворения на хинди «Неугасимая лампада» передается как नरिन्तर जलने वाला दया — Нйрантар джалне вала дыя (дыя — произношение): два русских слова переведены на хинди четырьмя словами. При этом нужно признать, что А. Джанвиджай перевел название стихотворения почти дословно: «Неугасимая лампада» в обратном переводе звучит так: «Всегда/постоянно/вечно горящая лампада». Перевод названия адекватен настолько, насколько это позволили грамматика хинди и менталитет индуса, или даже особенность его религиозного отношения к сакральным вещам и явлениям. Дело в том, что если придерживаться ментально-языкового восприятия мира, восходящего к традиционным индийским представлениям и верованиям, то при описании и выражении сакральных состояний не рекомендуется использовать слова «гасить», «угасать» (даже с отрицанием «не»). В контексте чего-то святого, а также по радостному поводу такого рода семантические знаки считаются плохим предзнаменованием: они не входят в вечно горящее изначальное мира, которое сохраняется и в постоянно горящей лампаде как сопричастнице этому изначалью. Поэтому Джанвиджай перевел слово «неугасимая» в соответствии с общеиндийскими представлениями как «всегда/постоянно горящая», или — с усилением — «вечно горящая» (вечно — नरिन्तर — нйрантар; जलने — джалне — горящая; वाला — вала — предлог принадлежности, указывающий, что именно лампада горящая).

Сразу обращает на себя внимание субъектно-грамматическая особенность перевода: вместо «Она молчит...» появляется «Молчит тот измученный» // «Молчит она/он уставшая (-ший)» и через строчку — потенциально «сдвоенная» субъектная форма «он-она» (он — वह; она — वह — vah), допускающая подразумевание грамматической «парности», местоименной неразличимости по роду. В дальнейшем субъектная «сдвоенность» «он-она» сохраняет-

ся и становится конструктивно значимым началом, определяющим смысловую направленность стихотворения на хинди: важным становится субъектность (а не только род) и соотнесенность экзистенциальных состояний со сверхсубъектными сущностями.

Вот эту «сдвоенность», сопряженность «он-она-переживания» уловил, но до конца не осмыслил почетный академик Императорской Академии наук К. Р., великий князь Константин Константинович Романов: «...кажется, они умерли в один день — она не пережила его» [4, 35]

Такая субъектно-грамматическая («местоименная») трансформация при переводе на хинди не случайна. У переводчика или индийского читателя, знакомого с оригиналом бунинского стихотворения, содержание «Неугасимой лампады» неизбежно вызовет удивление. Бунин, используя сокровенные и значимые для индийского сознания конкретные слова, воспроизводя состояния утраты, молчания, спокойствия и соотнося их со светом вечности, вольно или невольно намекнул на лежащие в глубинной основе этого стихотворения индийские представления об Атмане. Атман — единое «двухаспектное» сущностное «Я» человека, выражающее его высшее абсолютное самосознание и в таком виде совпадающее с абсолютным бытием, с «сияющим, бессмертным Брахманом»: «Это сияющий Брахман, бессмертный, все миры содержатся в нем и ни один не уходит за его пределы» [7, т. 1, с. 137]. С. Радхакришнан замечает, что цель включенности человека со своими антропными состояниями во взаимодействие с Атманом и (через посредство Атмана) с Брахманом определяется на языке философии как достижение высшего тождества субъекта и объекта, а на языке религии (религиозной философии) — это «тождество Бога и души, Брахмана и Атмана» [7, т. 1, 140]. С. Радхакришнан указывает: чтобы достичь такого уровня идентичности, необходима инициатива со стороны субъекта, его готовность проделать по восходящему самоуглублению онто-гносеологический путь: «...тайна природы открывается нам изнутри, то есть в нашем сокровенном я. <...> они (мыслители. — Г. К., Пр. М., Г. М.) признали нашего Атмана, наше сокровенное индивидуальное бытие, Брахманом, сокровенным бытием универсальной природы и всех ее явлений» [7, т. 1, с. 140].

Благодаря такому субъектно-объектному «совпадению» антропные состояния стихотворения получают эмоционально-смысловое усиление в переводе на хинди. В результате ментально-переводческой работы стихотворение Бунина «Неугасимая лампада» в восприятии индийского читателя становится артефактом индийской культуры: Бунин как бы создает стихотворение в русле индийской духовной традиции.

Такой «индийский» образно-смысловой эффект достигается, потому что произведение Бунина наполнено экзистенциальными — предельно сущностными, «пороговыми» — переживаниями, которые сопровождают человека на всем протяжении его исторического существования: неизбежными спутниками человеческой жизни являются утраты близких людей. Горечь утрат требует разрешения и преодоления в актах освящения и сакрализации. Для индуса они достигаются в свете восприятия Атмана. Другими словами, для индийского человека в произведениях искусства в первую очередь важны антропологические проявления и их неизбежная перспективная соотношенность с Атманом, который, как об этом говорится в Шветашватаре упанишаде (часть 6, стих 11), «Единый Бог, скрытый во всех существах, всепроникающий, Атман внутри всех существ <...> Лишь тем мудрецам, которые видят Его в самих себе, суждено вечное счастье» [8, т. 2, с. 128].

Вполне естественно, что Джанвиджай, исходя из осмысления Атмана, который «в качестве абсолютного сознания коррелирует с Брахманом как абсолютным бытием» [2, т. 1, 196], в переводе на хинди «ослабил» причинно-следственные связи между событием смерти и внутренним миром героини, сместил акценты с каузальных отношений на антропные состояния, руководствуясь вполне понятным убеждением: «Верховное я, находящееся за пределами причины и следствия, — Брахман» [7, т. 1, с. 142]. Сравним. В оригинале стихотворения «Неугасимая лампада» вначале говорится о состоянии героини: «Она молчит, она теперь спокойна», — а потом приводится «причина», объясняется, почему она пребывает в таком безмолвном спокойствии: «...в тот день, / Когда его могилу закидали / Сырой землей, простилась с нею радость». Джанвиджай «схватывает» и фиксирует не «следствие» («Она молчит...»), а «причину», в которой уже содержится «следствие»: «Молчит тот измученный...» // «Молчит она/он уставшая (-ший)». Переводчик, ослабив при переводе на хинди каузальную и временную последовательность, усилил тем самым значимость предельных антропных переживаний. Такая трансформация обусловлена не только национальной ментально-ценностной установкой переводчика, но и, повторим, экзистенциальным и в пределе выражения чувств религиозным содержанием самого стихотворения: оно наполнено психоментальными состояниями ушедшей

радости, скорби, молчания, спокойствия, пустоты, — всеми теми состояниями, которые осмысливаются в индийской культуре в контексте сопряжения с Атманом-Брахманом.

Сущностной характеристикой, как свидетельствует Шветашватара упанишада (часть 5, стих 10), является и «универсальный сверхпол» Брахмана-Атмана: «Он не женщина и не мужчина, он и не бесполой. Какую телесную [оболочку] он принимает, тою и охраняется» [8, т. 2, с. 126].

Две взаимосвязанные причины — и родовая особенность местоимений на хинди, и «всепол» Брахмана-Атмана — повлияли на переводческую стратегию Джанвиджай: в переводе заметно гендерное «колебание», возможно подразумевание другого/другой. Уже в начале стихотворения допускается восприятие «он» и «она» (как это видно из обратного перевода), а в дальнейшем развертывании сюжета такое «колебание-сопряжение» создает ощущение не неопределенности, а сверхмерности, которая больше, чем просто «она» и «он». Данные слова на хинди (он, она, его, ее ॐ, ॐ, ॐॐ, ॐॐॐ vah, vah, use, uske) иногда даже с учетом контекста могут допустимо обозначать родовую неопределенность/сверхмерность. В свете концепции Атмана/Брахмана они становятся семантически — религиозно, философски и эмоционально — насыщенными словами, обозначающими субъекта «предела» и того состояния, когда начинает исполняться «воля небесная». Чтобы актуализировать основополагающий принцип воли небесной, Джанвиджай композиционно в стихотворении «проводит черту»: отделяет в конце первой строфы земное и небесное и тут же в начале второй соединяет их: «Его/Её похоронили / Под землей сырой и мокрой от дождя». Джанвиджай перевел бунинское «сырую землю» как «земля, мокрая от дождя» / «мокрая от дождя земля». Если «Его/Её похоронили» эмоционально воспринимается как событие трагической утраты близкого человека, как крушение всякой надежды на встречу с близким, с тем «кого похоронили», то «земля, мокрая от дождя» является символическим маркером «двойного» чувства утраты-надежды. Земля играет важную роль границы в стихотворении на хинди. Она физически отделяет жизнь от смерти, земные удовольствия от воли небес, радость жизни и страдания «здесь» от одиночества загробной жизни «там». С другой стороны, «дождевая влага» символически и психофизиологически воспринимается как воля небес, как источник и энергия жизни, нисходящей «оттуда сверху» в «низ земли»: в трагическом событии есть проявление непостижимого таинства жизни, которое природно — дождем — напоминает человеку о себе. Если в природном мире «знаменем» высшего является «дождь»/«дождевая влага», то в жизни человека, когда он сталкивается с неизбежностью утрат, таким традиционно ритуаль-

ным знаменем — неугасимая/вечно горящая лампада: она символизирует потаенную суть бытия, «волю небес». Атман, который бесформен, вневременен и спокоен, отделен от неба и земли, молчит, безмолвствует, но именно с ним связана всеобщая благодать, утешение для всех и лично для каждого. Так переводчик актуализирует и объединяет два важных для индийского восприятия процесса: преодоления «влагой небесной», «дождем» земной границы смертного отчуждения от жизни и достижения тождества в субъективных состояниях-переживаниях «Я» и Атман, «тождества Бога и души, Брахмана и Атмана».

В земной проекции жизнь без эмоций, «умерщвление» радостных чувств под влиянием трагических событий неизбежно порождает «пустую душу», «смерть сердца» (в переводе на хинди: «душа пустая и пустое сердце»). Таким событием пустоты в стихотворении является смерть близкого человека — происходит «соумирание»: поэтому радость уже не вернется к «ней» назад. Если в стихотворении Бунина сюжетно, композиционно и концептуально, что обусловлено духовно-выразительными возможностями русского языка, субъекты действия Она и Он грамматически разделены: умирает Он, а Она переживает, — то в переводе на хинди в свете концепции Атмана/Брахмана такая разносубъектность потенциально снимается: «Он/Она уже под землей, уже мертвые». Горе накрыло, придавило и «умертило» их обоих. Но такое «снятие» гендерных различий обозначает причастность Его и Её к Атману, и в силу такой причастности Ей и Ему, если говорить по-христиански, даруется «жизнь вечная». Хотя Атман бесформен в высших и непостижимых своих состояниях, Он имеет, однако, свои земные проявления: его часто представляют в виде вечной горячей (или постоянно горячей) лампады, как Сознание, к которому может быть причастен другой благодаря вере: «It is by the light of the Atman that everything shines» / «Именно благодаря свету Атмана все сияет» [10, 102]. В Катхе упанишаде (часть 2, раздел 2, стих 9) говорится: «Как единый огонь, проникнув в мир, уподобляется каждому образу, так же и единый Атман во всех существах уподобляется каждому образу, [оставаясь] вне [их]» [3, т. 2, с. 109].

В стихотворении Бунина и в оригинале, и в переводе на хинди есть всеобъемлющий доминирующий образ неугасимой лампады, способный передать и выразить вершинные проявления человеческого духа, до которых поднимаются и русская, и индийская культуры. Неугасимая лампада — *Нйрантар джалнэ вала дьяа* — всегда/постоянно/вечно горящая лампада — символизирует и воплощает неуничтожимость человеческого бытия, являет реальность переживания человеком вечности жизни как дара Бога (в оригинале), как явленную сущность Атмана-Брахмана в человеке (в переводе). Присутствие Бога/Атмана-

Брахмана — и, следовательно, всего комплекса теoантропных переживаний, центрированных словом «вечность», — находит свое закрепление в образе «неугасимой лампады»: она горит над немой гробницей день и ночь.

Бунин для передачи сакрального смысла «вечности», когда снимается противопоставление жизни и смерти, использовал традиционные для религиозной русской культуры символы, в данном случае такой образ, такой ритуальный сакральный предмет (утварь), как лампада. Центральный смыслообразующий символ (предметно-духовную реальность) — «лампаду» — Бунин вынес в название, тем самым обозначил его в качестве доминантного первого слова и актуализировал смыслополагание вечности, завершив стихотворение этим же «заголовочным» «сильным» словом. Джанвиджай русское слово «лампада» перевел на хинди столь же сакрально значимым словом как *दिया* — «дыяа» [дыя]. Концепция Лампада/Дья глубоко укоренилась в индийской духовности и органично вписывается в оригинальную символику стихотворения. Оба эти слова в оригинале и переводе символизируют вечный огонь веры в неуничтожимость человеческого бытия, залогом и гарантом которой является Бог/Атман-Брахман, не оставляющий человека в «странствиях» его души.

Переводческая стратегия Джанвиджай направлена на концептуализацию Атмана-Брахмана. Хотя образ могильной часовни не очень известен в Индии, переводчику, чтобы объяснить ее русский контекст, нужно было задействовать немеркнущий свет «дыяа», благодаря которому и «церковь, построенная на могиле» (часовня), воспринимается как вечная лампада, как зримый эквивалентный символ «дыяа». Нужно обратить также внимание и на то, как переводчик, чтобы подобрать духовный эквивалент и объяснить, что такое часовня, использует для именованной могилы слово *समाधि* — самадхи. В индуизме и буддизме самадхи — это прежде всего трансцендентальное состояние психики, интеллекта, которое достигает человек в состоянии отрешенности, внутреннего успокоения, когда «...связь с внешним миром нарушается <...> чувство радости исчезает и теряется в высшей невозмутимости...» [7, т. 2, с. 316]. Но самадхи Джанвиджай допустимо — в соответствии с традицией — соотносит и с «могилой» как высшим итоговым духовным пристанищем души, так как, по словам С. Радхакришнана, «Самадхи — это состояние, которое предшествует достижению освобождения <...> конечное освобождение невозможно до тех пор, пока живет тело» [7, т. 2, с. 315, 319].

Джанвиджай оказался точен и в переводе последней строки оригинала, когда Бунин в создании образа вечно горячей лампады произвольно использовал прием «плодотворной тавтологии»: «Горит неугасимая лампада». «Плодотворными тавтологиями» М. К. Мамардашвили называет лексические по-

вторые, культурно-исторически значимые для народной памяти (неугасимое горит): это «онтологическое уравнение», «онтологическое уравнивание», не позволяющее бытию раздвоиться, распасться, «удерживающее» его в зоне постоянства, вечности [6, 50]. Джанвиджай «Горит неугасимая лампада» передает словами (повторим) *निरन्तर जलता हो दिया* (нирантар джалта хо дыя) — «Вечно горит лампада»: где *जलता* (джалта) — гореть — глагол, а *हो* (хо) — частица, указывающая на постоянно длящийся процесс. По сути дает о себе знать тот же самый эффект «плодотворной тавтологии»: горит вечно то (дыя/лампада), что и должно гореть вечно (так заповедано Богом, так в этом вечном свете-тепле-горении есть проявление сущности Атмана-Брахмана).

Для индийского мироощущения те состояния молчания и пустоты, в которых пребывает героиня, не становятся обозначением опустошенности: Брахман «...не пустота молчания. Он являет собой наиболее полное и наиболее реальное бытие» [7, т. 1, с. 142]. Такая же мысль утверждается и Буниным: хотя он субъектно разграничивает состояния «пустоты молчания» героини и света вечности неугасимой лампады, но тем не менее сопрягает переживание трагического события и присутствие вечного Бога, явленного символично, духовно осязательно и зримо в образах часовни и лампады (данных как сверхличные ценности). Только если для Бунина в стихотворении значима композиционная граница, отделяющая отрешенное состояние героини от объективности света вечной жизни (сказывается на строение письма Э. П. Цакни, под влиянием которого создавалось стихотворение [5, 559]), то в переводе на хинди такой разъединительной смысловой черты нет: наоборот, торжествует синтаксис перехода из одного состояния в другое: «...душа пустая и пустое сердце, / Как церковь, построенная на могиле, / И на немой могиле в церкви днем и ночью / Вечно горит лампада».

Как видим, передача эмоционально-смысловой глубины стихотворения Бунина «Неугасимая лампада» на хинди требует тонкого понимания духовного ландшафта обеих культур. Переводчику Джанвиджай удалось справиться с данной задачей. Перевод стихотворения Бунина «Неугасимая лампа» на хинди демонстрирует, как литературное произведение может преодолеть языковые и культурные границы. С другой стороны, воспроизведение Джанвиджай собственно духовных индийских реалий, представлений об Атмане-Брахмане позволяет усилить в восприятии оригинала потенциально присутствующие в нем мистические, сакральные интенции, которые покоятся в антропных состояниях молчания, спокойствия: хотя они кажутся «неестественными» в ситуации смерти близкого человека. Но свет утешения,

исходящий от Бога/Атман-Брахмана (в оригинале и в переводе), явленный в вечном горении неугасимой лампады, «снимает» такую «неестественность»: «Ибо все из Него, Им и к Нему, Ему слава во веки, аминь» (Рим. 11: 36); «Брахман является бесконечным <...> Он вечен, но не в том смысле, что это нечто находящееся по ту сторону всякого времени, как если бы были два состояния — временное и вечное, одно из которых исключает другое, — но что он вечная реальность всех вещей во времени» [7, т. 1, с. 143].

Такой удачный пример культурного взаимодействия посредством перевода на хинди стихотворения Бунина «Неугасимая лампада» дает читателям и ученым, представляющим обе культуры, возможность исследовать и сравнивать литературные стили, темы и духовные ценности, что безусловно способствует развитию межкультурного диалога и дружеских связей двух великих народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И. А. Стихотворения: в 2 т. / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной / И. А. Бунин. — СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. (Новая Библиотека поэта).
2. Исаева Н. В. Атман / Н. В. Исаева // Новая философская энциклопедия: в 4 т. — М.: Мысль, 2010. — Т. 1. — С. 196–198.
3. Катха упанишада // Упанишады: в 3 т. / Перев. с санскрита, предисл. и коммент. А. Я. Сыркина. — М.: Наука; Ладомир, 1992. — Т. 2. — С. 95–112.
4. К. Р. Иван Бунин // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Восемнадцатое присуждение Пушкинских премий 1909 года. Отчет и рецензии / К. К. Романов. — Т. LXXXIX. — 1911. — № 6. — С. 30–55.
5. Летопись жизни и творчества И. А. Бунина. Т. 1 (1870–1909) / Сост. С. Н. Морозов. — М.: ИМЛИ РАН, 2011. — 944 с.
6. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления (январь 1981) / М. К. Мамардашвили. — М.: Прогресс; Культура, 1993. — 350 с.
7. Радхакришнан С. Индийская философия: в 2 т. / С. Радхакришнан / Перев. с англ. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1956–1957.
8. Шветашватара упанишада // Упанишады: в 3 т. / Перев. с санскрита, предисл. и коммент. А. Я. Сыркина. — М.: Наука; Ладомир, 1992. — Т. 2. — С. 113–130.
9. *निरन्तर जलने वाला दिया / इवान बूननि* [Нирантар джалне вала дыя — Вечно горящая лампада / Иван Бунин] // *कविता कोश* [Кавита Кош — Собрание стихов]. URL: <https://rb.gy/r5w5g6> (дата обращения: 30.10.2024)
10. Krishnananda Sw. The Philosophy of Life / Sw. Krishnananda. — Rishikesh. — 516 p. — URL: https://www.swami-krishnananda.org/phil/Philosophy_of_Life.pdf (дата обращения: 10.01.2025)

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

Карпенко Г. Ю., доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью

E-mail: karpenko.gennady@gmail.com

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

Мишра Прагья, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью

E-mail: gayatri.pragya2001@gmail.com

Делийский университет, г. Нью-Дели, Индия, Дели-110007.

Мунджал Гириш, заведующий отделением русского языка кафедры славянских и финно-угорских языков

E-mail: girishmunjal2012@gmail.com

Samara national research University named after academician S. P. Korolev

Karpenko G. Yu., Doctor of philological Sciences, Professor, Department of Russian and foreign literature and public relations
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com

Samara national research University named after academician S. P. Korolev, Russian Federation

Mishra Pragya, graduate student, Department of Russian and foreign literature and public relations Samara national research University named after academician S. P. Korolev,
E-mail: gayatri.pragya2001@gmail.com

Delhi University, New Delhi, India, Delhi-110007
Munjal Girish, Head of the Russian Language Department of the Department of Slavic and Finno-Ugric Languages
E-mail: girishmunjal2012@gmail.com